

КІ и отрицание: практический интеллект

Ненужная природа

Как уже было показано («КІ и сеть: напрасные различия»), КІ ставит проблему различения законного и законосообразного. Само это различие можно было бы представить в виде необоснованных претензий трансцендентального движения, которые с такой же легкостью может отменяться в другом его пункте (например, на уровне критики разума). Однако, представляется, что проблема этого различия, так же как и проблема автосетей, имеет ряд аспектов, которые никак не связаны с историческим оформлением трансцендентальной программы кантианского образца.

Автосеть обнаруживает проблему произведения законных событий или действий, то есть действий, которые в самом деле можно произвести, руководствуясь строго определенным правилом. Все сложности, с которыми сталкивается такое, казалось бы, простое требование, связаны с некоторым количеством смысловых расщеплений, которые подвешивают всю самоочевидность того или иного действия, как являющегося следствием или выполнением определенного правила. Обычно предполагается, что трансцендентальный механизм – это лишь *калька* уже выполненного действия, то есть само это действие, повторенное в качестве своих условий, причем эти условия выступают в виде неких осмысленных правил, легко реализуемых по уже прочерченной собственной траектории. В том, что касается познавательных действия, дело – с определенными оговорками – может быть представлено именно таким образом. Но собственно практические действия могут быть выписаны по модели некоторой редукции «природного априори» или *априори как некоторой природы*. У Канта роль такого априори выполняют, к примеру, склонности, *Neigungen*, которые обеспечивают весь порядок «естественных действий». Собственно, вся игра КІ приводит к странной неразберихе природ, которая ставит под вопрос представление о трансцендентализме как обычном способе удвоить природу, снять с неё скальп, который затем можно использовать для демонстрации особых заслуг. Как это ни странно, такое скальпирование почему-то даже не применяется к *Neigung*: вопрос о том, как может быть осуществлено обычное действие – то есть не собственно моральное действие, не действие «по закону» – не ставится. Хотя гипотетически его было бы очень легко поставить. Действительно, если трансцендентальное исследование – не более, чем выписывание темных закоулков разума (причем данных в своем антропологическом издании), то почему же не поставить вопрос об «условиях» и трансцендентальных принципах практических действий, которые не относятся к сфере собственно морали? Дело здесь даже не в том, что такие действия невозможно выписать по некоторой универсальной схеме, поскольку каждый раз имеется совершенно иная структура цели действия, задаваемая склонностью и стремлением к неизвестному *счастью*. Дело, скорее, в том, что искомое трансцендентальное – это пункт, в котором вопрос задается не о том, как нечто происходит, а о том, как нечто должно было бы происходить, если ввести посылку, что это происходящее происходило бы в соответствии с некоторыми строго определенными законами, а не в соответствии с природой, законность которой остается под вопросом.

Вообще-то природа – это и есть то, что определено законом, то есть некоторый его пример. Но между природой как тем, что существует сообразно законам рассудка, и конечной природой практического закона всегда существует

природа склонности, законность которой не может быть прояснена. Для этого, по сути дела, нет никаких логических оснований, кроме того, что эта законность природы могла бы быть слишком частной, то есть просто незаконной. Действительный повод для изъятия природы из порядка трансцендентального задания действия сводится к тому, что она выступает в качестве всегда неизвестного *ресурса смыслов* и объяснений, пользоваться которыми можно только в практической жизни, но никак не на уровне трансцендентального рассмотрения. Природная практика (внутри которой нет никакого различия между действиями, скажем, интенциональными и неинтенциональными, так что результат любого «осмысленного» действия мог бы быть достигнут как угодно, то есть при помощи иного сцепления причин, которые в том числе и не предполагают интерпретации через какие бы то ни было интенциональности) отменяется в ходе трансцендентального рассмотрения из-за своих слишком больших «семантических» претензий. *Neigung* в таком случае можно отождествить с действием, принцип которого остается всегда склеенным с самим действием, так что расцепить их и прояснить одно без другого не удастся. По сути дела, Кант не просто расшифровывает угрозу практическому разуму со стороны склонности: склонность всегда в первую очередь угрожает себе самой. Нельзя с достоверностью определить, является ли данное действие выполнением закона, то есть законно ли оно, но столь же сложно определить, выполнением какого «практического» императива является действие, не претендующее на законную ценность. Любое такое действие или событие (покуда не всякое действие могло бы быть верифицировано на собственную «интенциональность») требовало бы бесконечного применения трансцендентального механизма, то есть для его выполнения пришлось бы привлекать слишком большое количество «обоснований» или правил, в соответствии с которыми оно, якобы, выполняется, причем главная проблема – в выборке между ними. Склонность не просто гетерогенна разуму, она гетерогенна самой себе – по крайней мере, если пытаться выписать ее трансцендентальный механизм. Если трансцендентальное обоснование практических действий превращается в множество конкурирующих описаний, каждое из которых может привести к выполнению действия (в том числе – и другого), то встает классический вопрос о применении всех этих трансцендентальных версий действия, то есть об их заземлении на некоторый трансцендентально непрояснимый смысл вроде социальной практики, интуиции, вписанности в бытие и т.п. Вариантом такого рода предельных семантических и далее неразложимых конститутивов является, естественно, и «способность суждения», так же как и некоторые иные элементы, включенные в кантовскую версию описания трансцендентального механизма.

Весь интерес ситуации – достаточно тривиальной и хорошо знакомой не одному поколению философов – сводится к тому, что практический разум как раз строится на исключении такого рода смысловых ресурсов, трансцендентальное обращение которых грозит привести к тому же самому, то есть к непроясненному единству действия или события, заключающего в себе и своё осуществление и свой собственный закон. Можно заметить, что вся феноменология идет вслед за склонностью (у неё к этому, так сказать, обнаруживается поразительная склонность), когда делает ставку на непосредственное списывание интенциональных законов с событий сознания, законы которых ничем не отличаются от них самих. Погруженность сущности в феноменологический пример представляется преимуществом эйдетической науки, но, как это ни смешно, она радикально расходится с посылкой – в многом более радикальной – редукции

самых примеров. Так, Кант редуцирует все примеры, утверждая, что ему не известно ни одно моральное действие. Подобными шагами удастся избежать смыслового «зависания» между действиями и законами, в котором одно неизбежно отсылает к другому как к своему подтверждению, не предполагая в то же время никакого повторения или универсализации. Это смысловое зависание несложно отождествить с парадоксом Крипке-Витгенштейна, центрируя при этом внимание на факте неравнозначности трансцендентального и универсального именно в проекте практического разума. Практический разум менее всего напоминает просто «очищенный» или, тем более, обездвиженный разум склонностей (а за ними также нельзя отрицать разумности, поскольку, к примеру, возможно составление списков некатегорических, то есть гипотетических императивов). Попытка отпираться от разума склонностей (чтобы сначала выписать принцип их работы и затем, возможно, воссоздать их исходя из такого принципа) наталкивается на постоянное возвращение к базовым примерам, так что трансцендентальное обоснование обосновывает все, что угодно, но ничего не *дает*. Ставка на практический разум (который в этой связи можно назвать просто *практическим интеллектом*) отправляется не от бесконечного ряда примеров «разумных действий», а от их отсутствия. Так что практический интеллект не только никому не «принадлежит», но он просто не существует, если за существование принимать некоторую данность в последовательности примеров, выполняющих собственные правила организации, бесконечно внутренние им самим и никогда не проясняемые никакими трансцендентальными микроскопами (так же, впрочем, как и никакими иными, менее «эффективными» средствами, вроде герменевтической интерпретации, психоанализа или социальной критики). Эффективность практического интеллекта, таким образом, обратно пропорциональна попыткам восстановить в нем естественный интеллект, реализующийся в природе.

Гетерогенность и «действие наперекор»

Если опустить связь практического разума с «моралью», то окажется, что воображаемые действия практического интеллекта, полностью очищенные от каких бы то ни было феноменологических подстановок, показывают значимость определенного рода проблем. В данном случае можно пока центрироваться на вопросе об уже продемонстрированной («КИ и сеть») необходимости гетерогенного (далее – ГГ). Можно было бы предположить, что при демонстрации примеров действия КИ ГГ используется просто как некий контрабандный *смысл* или принцип различения: как, например, отличается разумное действие от неразумного или моральное от неморального. Но дело как раз не в этом: даже прямой дубляж практического разума некими склонностями не говорит о том, что он с них «списан». К примеру, сам Кант отмечает, что наиболее интересными примерами – в которых сталкивается возможное действие практического разума с проявлением неких склонностей – являются примеры таких удвоений (известен случай с торговцем, который никого не обманывает – то ли из честности, то ли просто в соответствии с принципами более выгодной торговли). Для того чтобы практический интеллект оказался действительно эффективным, то есть не был просто своей собственной возможностью, ему необходима ГГ, но не как поставщик своих собственных смыслов или некое «тайное» фундирование, а, скорее, как соперник. Если некоторое «естественное» действие не расходится с возможным разумным действием, то становится сложно указать на разумное действие. Можно даже подумать, что «показать» разумное действие вообще не-

возможно, поскольку речь всегда идет о некотором *внутреннем принципе*, а не о результатах, так что мы опять возвращаемся к сомнительной самоочевидности принципа для агента действия. Но в действительности практический интеллект (если сейчас отвлечься от кантовских проблем с универсализацией и «попаданием» в его сеть) действует только в одном случае – когда практическое действие, помеченное как ГГ, прямо отрицается. На это указывает пример холодного и бесчувственного индивида, который совершает некоторые моральные разумные действия только «из долга». Получается, что эффективное разумное действие требует первоначального введения некоторого воображаемого действия, которое затем будет отрицаться, то есть не просто отменяться, а преобразовываться в противоположное действие. Естественно, пока здесь не рассматривается вопрос о том, можно ли вообще преобразовать действие в противоположное и не окажется ли ситуация схожей с древней традицией толкования сновидения, согласно которой все его элементы надо истолковывать прямо наоборот.

Примеры с бесчувственным, но нравственным человеком или самоубийцей, который все же решает жить, показывают весьма необычный принцип обоснования действий. Все они выглядят крайне неестественными и даже излишними: в самом деле, зачем такие сложности, неужели нельзя быть просто честным, не будучи вором? Но все дело в том, что эффективное действие практического интеллекта, которое могло бы как-то отличаться от хаотических действий, отданных на откуп природе, возможно лишь при таком «наведении» от противного. Подобный принцип введения ГГ в самый центр практического интеллекта можно назвать «негативной индукцией»: для осуществления трансцендентального механизма необходим некоторый дополнительный *аппарат*, производящий множество помех для интеллекта. Если поэтизировать ситуацию, то практический интеллект должен «почувствовать себя умным», то есть почувствовать свою отличимость от множества идиотских подобию, которые, казалось бы, могут сделать все то же самое, что и он. Примечательно, что Кант говорит (в связи с понятием «уважения») о некотором чувстве, «саморожденном понятием разума» (*durch einen Vernunftbegriff selbstgewirktes Gefühl*, то есть, скорее, о чувстве, полученном при самовоздействии понятия разума). Понятно, что такое чувство не может стать повторением некоего «чувства смысла», которое служит подтверждением правильности выполнения того или иного действия.

Практический интеллект, таким образом, находит действительную точку собственной эффективности, хотя при этом – в силу еще не проясненных онтологических причин – приходится идти на завязывание весьма необычных отношений с ГГ. Естественно, остается подвешенным вопрос, насколько такое решение проблемы действия практического интеллекта «эффективно» (например, в смысле, который мог бы быть придан «эффективности» в контексте обсуждения проблем AI, а не KI), тем более, если отвлечься от «универсалистских» претензий закона, который, по сути дела, отрицает все, что не может стать законом как таковым. Закон действует путем «действия наоборот», что, конечно, ставит под вопрос его автономность, свободу и т.д. Но для логической стороны дела все это не имеет особого значения. Сложнее другое – применить выписанную в форме практического интеллекта фигуру взаимодействия закона (или законов) и действующих наперекор ему шумов или воздействий некоей природы. Если практический интеллект не может быть фундирован бесконечным множеством сингулярных смыслов, скрывающих самих себя в собственных осуществлениях, то встает вопрос о его выполненности через них всех (или «поперек» них), когда они принуждены будут выступить уже не в качестве «оснований», а лишь

придатков, возмущающих остатков, которые необходимы именно в силу возмущения ими.

«Негативную индукцию», затребованную в действии практического интеллекта можно сблизить с понятием *нересурсного фундирования*: в самом деле, в рассмотренной схеме «ресурса» как такового вообще нет. Иначе говоря, ситуация с бесконечным удвоением действия и трансцендентального основания решается тем, что ни одна из инстанций уже не служит основанием – если только под основанием подразумевать именно ресурс, обеспечивающий смысл действия и производящий само это действие. Упрощая прочерченную ситуацию, можно заметить, что обоснование – это вообще не дело основания или «оснований», которые всегда либо избыточны, либо непроницаемы. Все дело в игре между законом и ГГ, игре, в которой ни одной из инстанций не стать ресурсом – в том числе и собственным. При этом первоначальное преимущество, как может показаться, находится на стороне «склонностей», которые могут сами воспроизводить себя, то есть действовать по некоторым имманентным правилам, прояснить которые не удастся. Но в процессе трансцендентального прояснения все они лишаются такого рода преимуществ, то есть все предпосылки природы редуцируются, так что в пределе можно говорить разве что о той природе, которая упоминается Кантом как результат действия практического разума. Эта природа, как выполненность практического интеллекта – уже не природа, как некоторый континуум, на котором выполнены ее собственные законы, иначе говоря, у такой природы вообще может не быть законов, в соответствии с которыми могли бы «происходить» природные события. Такая природа – не более, чем эффект эффективных (то есть структурированных в форме «действия вопреки») действий практического интеллекта.

Указанная в самых общих чертах схематика практического интеллекта отличается не только от попыток прямого трансцендентального выписывания принципов некоторых действий (поскольку в такого рода дескрипциях неизбежно происходит столкновение с проблемой возвращения выписанного принципа к своему собственному примеру или набору примеров), но и от так называемой техники, с которой можно было бы легко спутать «практический интеллект». Вообще, все истолкования КИ на протяжении нескольких поколений философов доказали разве что верность некоторых законов генетики, утверждающих постоянно умножающееся расщепление и повторение унаследованных признаков. Истолковать КИ в качестве некоей садистской технической работы по подчинению или «поставу» всего сущего или природы как таковой (а именно на такие интерпретации нас постоянно выводили Хайдеггер и Лакан) было бы слишком легко: разве, в самом деле, нельзя в КИ обнаружить вытеснение и обуздание «склонностей» (так что слишком уж напрашивается мысль об уже наметившейся тяжелой судьбе влечений), их закабаление неким *трансцендентным* (во всех интерпретациях такого рода оно не отличается от «трансцендентального») законом (Отца, Субъекта или просто Власти)? Двигаясь по такой ветке рассуждений нетрудно представить КИ просто в качестве одного из вариантов неких более обширных процессов, хотя почему-то при этом не замечается, что фактически вся область «гетерогенного» трансцендентальной критике становится ее «трансцендентальным», универсальным принципом, в соответствии с которым все эти процессы долгоиграющего постава можно, вероятно, воспроизвести на любой планете, поверхность которой покрыта тонким слоем биологического материала. Собственно технические проблемы КИ в таком случае могут, скорее, бесконечно возвращаться к самим себе: так, к примеру, КИ обращается

все больше в чистую коммуникацию, которая не замечает коммуникации, которая шла *внутри него самого*, если только игру между законом и ГГ – не прописанную ни со стороны закона (и его трансцендентальной дедукции), ни, тем более, со стороны склонностей или собственно практических законов (законов для всех, «примерных» законов, выполнимость которых гарантирована практическими логиками смысла) – вообще можно назвать коммуникацией.

Экономия обоснований

В действии КІ «природа» отрицается не просто в качестве некоего внешнего или ненужного ресурса, который способен затемнить чистые моральные действия. В действительности, именно в сфере КІ осуществляется атака на сам принцип экономии и связанный с ним принцип обоснования. Его традиционная формулировка звучит так: «Из ничего и будет ничего». Наиболее интересным представляется тот факт, что попытка подорвать этот экономический принцип производится в области практического разума, то есть разума, который должен руководствоваться такой экономией: чем бы еще мог быть долг, если не всеобщим экономическим понятием? Но именно в отношении долга оказывается возможным подойти к пределу экономического обоснования (то есть самого равенства экономии и обоснования): действие по долгу должно совершаться вне каких бы то ни было оснований. Если есть хоть какие-то основания подозревать данное действие в обладании основаниями, то так же можно усомниться в его «должности». Значит ли это, что взамен возможных многообразных оснований подставляется некое одно-единственное (представленное, например, в форме КІ) сверхоснование? Что природа действий отрицается в пользу какого-то *возвышенного* основания, которое должно подвести под себя все моральные действия, исключить возможное проникновение гетерогенных законов? В таком случае можно было бы решить, что рассмотренное выше отрицание действует по обычной экономической модели – нечто отрицается только в надежде получения продукта, то есть отрицание «работает» на некоторый результат, будучи само встроено в логику обоснования, фундирования. Нельзя ли представить кантианскую антиэкономическую логику в качестве варианта «снятой» экономии, когда основание оказывается не сзади, а впереди, то есть основание само образуется в результате продуктивной работы отрицания, которая всегда *имеет его в виду*?

Если искомый закон долга кажется предельно сублимированным, то такая сублимация радикально отличается от экономической «возгонки» содержания, в результате которой они, действительно, могли бы приобрести требуемую универсальность. Долг никогда не может стать «долгом чего-то» или «чему-то», то есть долг только тогда может быть долгом, когда нет никакой нужды быть должным (иначе теряется вся его «чистота»). Такое «противоречивое» понятие долга кажется противоречивым лишь потому, что оно пытается выйти за границы «данной» или «наличной» экономии, то есть экономии некоторых оснований, всегда задаваемой схематикой, которая только и способна заранее указать, что обосновывается и как обосновывается. Логика *Aufhebung* отрицает так, что в итоге всегда образуется некоторый прирост содержания, поэтому конечное содержание может претендовать на статус «необходимого» – оно не может выйти за свои собственные пределы, поскольку такой выход уже был проработан *Aufhebung*'ом. Это предельное – экономическое – содержание будет иметь статус абсолютного вменения, поскольку сила его универсальности предполагает отсутствие каких бы то ни было гетерогенных элементов, которые полностью

отсеяны в процессе его генезиса. Такое «содержание долга» оказывается полной противоположностью вечно бессодержательного долга «без долга» (долга без оснований), отрицание которого выполняет совсем иную роль.

«Действие без основания» выглядит фантастично: нет ровным счетом ничего, что могло бы его как-то обеспечить, послужить некоторым ресурсом или признаком необходимости. «Не иметь основания» в данном случае означает не просто не иметь «внешнего» основания (хотя некоторые ходы критики практического разума могли бы навести именно на такую трактовку). Долг – это не только то, что не может иметь оснований вне себя (в ГГ), это и то, что не имеет никаких оснований в самом себе. По этой причине никакая феноменология долга невозможна, ведь такое отсутствие содержания невозможно описать какими бы то ни было средствами. Выше было показано, что сама работа КИ постоянно требует обращения к гетерогенному материалу, что можно было понять в качестве доказательства невозможности беспредельной претензии долга на собственную автономию (причем автономия в таком случае все равно принимается за некоторое автономное содержание). В самом деле, разве не было показано, что долг обращен к гетерогенному материалу в самом своем первом шаге – шаге выделения закона как такового? Разве тем самым не доказывается некоторая ресурсная обеспеченность долга (как будто бы списываемого с некоторых уже осуществившихся событий)?

Против «ресурсного» обоснования долга выступает тот факт, что ни одно из событий – даже в форме собственного отрицания – *не становится* законом как таковым. «Действие вопреки» может показать «пример» действия закона, то есть действия, для которого нет никаких оснований, но сама законность такого действия не может быть «осаждена» в виде некоторого остатка отрицания, продуктивного результата странного «практического» эксперимента. Если обычно в законе как чистой законности подчеркивается «универсальность», то в отношении с экономией обоснования она сама может быть истолкована как отсутствие оснований, отсутствие какой бы то ни было экономии действий, ведь любая экономия носит необходимо локальный характер. КИ отвергает идею бесконечного обобщения экономии – как ее ни обобщать, ее содержательность все равно останется признаком локальности, ненужности. Условно говоря, содержание всей вселенной ничего не говорит о ее собственной необходимости и законности – нет никакого закона в том, что он осуществляется именно на этой планете именно этой солнечной системы. Если экономия по необходимости локальна, то в действии КИ можно обнаружить один замечательный эффект, показывающий расщепление содержательной универсальности и трансцендентальной законности. Этот эффект сводится к тому, что трансцендентальный закон вообще не имеет возможностей определиться в качестве некоего закона, закона, *на основании* которого могло бы что-то случиться или даже закона, который задает форму обоснования. Иначе говоря, даже «отрицающее действие» КИ воспроизводит бессодержательный закон как закон без экономии.

Понимание ГГ в качестве простого «ресурса» закона (применяемого негласно, контрабандой) не учитывает всей схемы действия КИ, которая направлена на показ возможности безосновного действия. Такое действие ценно потому, что оно предполагает возможность выделения некоторой трансцендентальной логики или трансцендентального закона, которые бы не были завязаны на ту или иную локальную экономию. В отличие от теоретического разума, где все трансцендентальные законы *уже даны* (задавая структуру данности как таковой), так что вопрос об их генезисе вообще не рассматривается, в практическом

разуме осуществляется выход к «порогу» трансцендентального. Этот порог определяется не только по неизбежной связи с гетерогенным материалом, но и по предельному *завышению* требований, предъявляемых к трансцендентальной логике. Эта логика не должна быть ограничена никаким локальным материалом. Дело в том, что ГГ предлагается в виде множества локальных связок обоснования или просто ассоциаций, причем все данные в нем способы обоснования не представляются устойчивыми и необходимыми – неизвестно, где граница между обоснованием и простой ассоциацией, некоторым совпадением или содержательной включенностью. Мир локальной экономии – при всей своей обоснованности – грешит избыточностью обоснования. В КІ ставится вопрос о возможности задания такого закона обоснования, который не был бы законом экономии, или, вернее, *экономия которого не была бы локальной*. Но последнее утверждение оказывается завершающим для самого закона – невозможно установить, может ли предельное обобщение экономии обоснований хоть чем-то превосходить (быть больше) своих отдельных локусов, ненужность которых очевидна. Трансцендентальное, взятое в своей собственной логике, обнаруживает, что любая сумма экономий не даст ничего большего – ничего большего самой экономии. Нелокальная экономия закона (равная его трансцендентальности) – это предельный закон построения трансцендентальной логики как таковой, сталкивающийся с тем, что *нелокальная экономия вообще не может быть экономией*, то есть она никогда не может предоставить никакого закона – закона, который смог бы задать форму искомого морального обоснования (так же она не в состоянии предоставить не только какого-то основания, но и самой формы возможного обоснования, то есть она не может стать неким устойчивым *основанием основания*). В таком случае обнаруживается странная закономерность: предельность требований трансцендентального закона, который стремится выделить некий «законный» способ обоснования (и тем самым лишаящийся какого бы то ни было реального содержания) находит выход, который совпадает с самым непрерывным заданием трансцендентального, которое уже не может быть определено в качестве какого-то *множества «законов»*.

Этот выход – отрицание каждого локуса экономии, действие наперекор ему. Подвергаемые отрицанию действия (вернее, их максимы, то есть их экономические или обосновывающие схемы, «схемы основательности», представляющиеся по модели «почему это так, а не иначе») подвергаются отрицанию не из-за некоторого «садизма» закона и не из-за его привязанности к логике «снятия». Отрицаются они только потому, что нелокальность трансцендентальной экономии может показать свою искомую возможность лишь в непрерывном косвенном доказательстве – доказательстве действиями, которые совершаются вопреки определенным экономическим обоснованиям. В момент совершения такого «противного» действия намечается сам закон как закон, то есть способ некоторого обоснования как такового (ведь трансцендентальная логика стремится выделить способы законного обоснования) – каждое такое действие совершается только потому, что оно дублируется построенным по нему законом, который тут же стирается в пользу иного – следующего – косвенного действия. В каком-то смысле «нересурсно» фундируются не сами совершаемые в качестве доказательства действия, а подразумеваемый закон, который, естественно, не может выделиться в качестве закона из-за связи с гетерогенным содержанием. Закон сам должен обеспечить форму фундирования, но эта форма не может быть основана на «чем-то», иначе это будет не закон. Нельзя до закона предположить какое-то «фундирующее связывание», и именно поэтому любая выборка

принципа фундирования из гетерогенного материала служит лишь в качестве косвенного подтверждения возможности закона – действие совершается вопреки ресурсу, но это «вопреки» не может быть экономизировано, не может включаться в какое-то осаждение продукта (то есть закон не может «запомнить» свои собственные «противные» действия, построить на такой памяти самого себя как результат собственной работы по отрицанию). Выборка *закона основания* длится бесконечно, но на каждом ее шаге осуществляется подтверждение того, что любой трансцендентальный закон (даже с меньшими – в сравнении с практическим законом – претензиями) оформляется в нересурсном фундировании – процедуре безосновного выбора закона основания как такового.

КІ, доводящий «логику трансцендентального» до полной невозможности оформления построения «трансцендентальной логики», задает пункт, в котором сама «экономия» – так же, как и онтология – оказывается поделена, расщеплена тем странным делением, которое позволяет отменить необходимость экономии как таковой. Действительно, ГГ представляется в сфере действия КІ как множественность незаконных способов связывания, переходящих в простые ассоциации, которые не могут претендовать на трансцендентальное оправдание. Но сам этот взгляд задается логикой «обоснования» как такового, то есть логикой, которая только еще должна выделить какую-то его лидирующую форму в виде закона. Экономия – это и множество форм незаконного связывания, и сама тень экономии, тень, отбрасываемая трансцендентальной логикой. Такая игра теней возникает в месте КІ, то есть в месте «нересурсного фундирования» – закрытия самой экономии в экономии, выделения трансцендентальной логики путем определения некоторой «соразмерности» способов искомого фундирования, причем только такое выделение может объяснить идею фундирования как такового. Таким образом, мы сталкиваемся здесь не только с тем, что само определение экономии через обоснование уже не может быть обосновано (логика обоснований не может быть обоснована), а с тем, что представление экономии в форме обоснования (и, следовательно, в форме экономии) неизбежно связано с тем ограничением «гетерогенного связывания», которое представляется законной универсализацией, действующей путем не столько обобщения экономического поля, сколько выделения некоего «соразмерного» экономического локуса, его осаждения в виде универсальной трансцендентальной машины.